

УДК – 81.161.1 = 512.161 + 347.78.034

**ТРАНСФОРМАЦИИ И СООТВЕТСТВИЯ В ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ТУРЕЦКИХ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ
РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)**

Гванцеладзе А. Н.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: annagvantseladze@hotmail.com*

В статье приводятся разные взгляды переводоведов на термины «трансформации» и «соответствия», рассматриваются особенности использования трансформаций и соответствий на примере перевода текстов с русского языка на турецкий язык.

Ключевые слова: трансформации, соответствия, переводоведение, турецкие языки, турецкий язык, русский язык.

Постановка проблемы. В литературе по теории и практике перевода часто употребляются термины «трансформации» и «соответствия» [1 – 7]. Неудобства начинаются тогда, когда оба понятия используются для номинации одних и тех же явлений, что осложняет понимание теоретического материала. В результате возникает вопрос «трансформации» и «соответствия» – это одно и то же, или, будучи разными явлениями, имеют четко определенные границы? Восприятие переводческих трансформаций как закономерных соответствий, а не как приемов перевода, применяемых в определенных условиях на основании смысла отдельной лексической единицы, содержания высказывания и общего контекста, может привести к установлению ложных стереотипов [8].

Цель исследования состоит в определении границ терминов «трансформации» и «соответствия» с точки зрения теории перевода. Для реализации поставленной цели предполагается решить ряд **задач:** **1)** проанализировать понимание переводоведами терминов «трансформации» и «соответствия», **2)** рассмотреть особенности использования «трансформаций» и «соответствий» на примере перевода текстов с русского языка на турецкий язык.

Объектом нашего исследования стали лексические единицы (и их переводческие эквиваленты) в контексте сложносочинённых союзных предложений.

Методология. Методологической основой исследования служат описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстный и семантический анализ.

Переводческие трансформации рассматриваются в ключе теории закономерных соответствий (ТЗС) Я. И. Рецкера и А. В. Федорова, которая, в равной степени, имеет как последователей, так и критиков. Одним из основных недостатков ТЗС считают сосредоточение на поиске аналога лексической единицы, или грамматической конструкции оригинала.

Переводчик имеет дело, в первую очередь, не просто с абстрактным значением лексической или грамматической единицы, а со смыслом – «актуализированным в

речи значением языковой единицы» [9, 114]. Я. И. Рецкер определяет употребление слов в речи как контекстуальное значение, которое «является реализацией потенциально заложенных в слове значений» [10, 18].

«Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой определяет соответствие как «особое соотношение звуков, форм, моделей построения и т. п., обнаруживаемых у отдельных представителей данной языковой семьи, обуславливающее их возведение к общей праформе, модели и т. п. и являющееся основой сравнительно-исторического языкознания» [11]. При анализе межъязыковых соответствий для языков разных семей такая трактовка термина не совсем уместна, поскольку соответствия в теории перевода предполагают совпадение значения и сферы употребления языковой единицы.

В. Н. Комиссаров определяет переводческие соответствия как «единицу ПЯ, регулярно используемую для перевода данной единицы ИЯ», трактуя последнее как коммуникативно равноценный, основанный на близости значений исходной и переводной единиц, устоявшийся аналог единице ИЯ [12, 136]. Данное определение соответствия делает упор на частоту употребления той или иной единицы ПЯ для отражения смысла единицы оригинала, не учитывая способ нахождения нужной единицы в системе ПЯ. То есть в широком смысле слова соответствием будет именоваться любая единица ПЯ, передающая значение и смысл единицы оригинала. Итог применения той или иной переводческой трансформации при передаче значения лексемы оригинала может рассматриваться как соответствие.

Я. И. Рецкер выделяет три типа соответствий: эквиваленты равнозначные и независимые от контекста единицы ПЯ, служащие для обозначения соответствующих единиц ИЯ в силу «тождества обозначаемого, а также традиций языковых контактов»; варианты и контекстуальные соответствия; переводческие трансформации [13, 12].

Традиционно готовыми эквивалентами считают те лексические единицы оригинала и перевода, которые полностью совпадают по значению и функции в тексте. К ним относят имена собственные, термины, названия организаций и т.д. [14, 156]. Мы считаем необходимым отметить, что данный пласт лексики можно считать готовыми эквивалентами тогда, когда он не несет дополнительных коммуникативных нагрузок. Так, например: *Пашенька без него ничего бы не выдумала... (125)*. = *Bi herif olmasaydı, Paşenka, bir başına bir halt edemezdi (163)*. – *O olmasaydı, Paşenka bir başına bir şey uyaramazdı... (152)* – транслитерация не передает иностранному реципиенту ласкательность лексемы *Пашенька*, не отображает экспрессию лексемы оригинала. Не совсем корректно говорить о существовании одного определенного способа передачи имен собственных или существовании единственного эквивалента. С. Флорин в книге «Муки переводческие» отмечает, что в зависимости от характера текста оригинала одно и то же имя собственное будет иметь несколько иной план выражения [15, 22].

Эквиваленты относятся к сфере языка, а значит, фактически, устанавливаются вне контекста, исходя из тождества обозначаемого лексических единиц [16, 9].

Однако наличие у лексемы ИЯ «постоянного равнозначного соответствия» в ПЯ может не обеспечить полного перевода информации сообщения оригинала: ... и

Дуня, *оскорбленная и опозоренная*, должна была проехать с мужиком целых семнадцати верст в некрытой телеге. = *Aşağılanmış, namusu lekelenmiş zavallı Dünya, o kadar uzun yolu bir Rus köylüsünün yanında, açık bir araba içinde almak zorunda kalmış.* – *Horlanmış, aşağılanmış Duneçka da on yedi verstlik yolu, üstü açık bir arabada, bir mujiğin yanında almak zorunda kalmış.* Рассмотрим передачу лексем «оскорбленная и опозоренная», которые в первом варианте передаются как «*aşağılanmış, namusu lekelenmiş*», а во втором – как «*horlanmış, aşağılanmış*». Анализ данных двуязычных и толковых словарей говорит о том, что в некоторых случаях переводчик отказался от использования готовых словарных соответствий для передачи данных лексем. Лексема «оскорбленная» содержит в себе компоненты, указывающие на *тяжелую обиду + унижение*, отражая значение двух семантических долей (СД), одна из которых передана существительным «*aşağılanmış*» (унижать).

Во втором переводе используется лексема «*horlanmış*», образованная от глагола «*horlamak*» прямым соответствием которой в двуязычном словаре указывается «*презирать, пренебрегать, унижать*». Глагол «*horlamak*» получен, в свою очередь, от прилагательного «*hor*», означающего «низкий, презренный, ничтожный».

Выбор лексем для перевода слова оригинала, таким образом, построен на наличии в значении каждой из них общей СД – «унижение». При этом, оба переводчика находили единицы перевода, логически анализируя состав сем лексемы оригинала, и отказались от словарных эквивалентов «*hakaret etmek; (gönlünü) kırmak; incitmek*», в силу того, что «*kırmak; incitmek*» требуют пояснительных слова (*birinin gönlünü) kırmak; (birinin hissleri) incitmek* и создали бы громоздкие выражения. Что касается перевода лексемы «опозоренная», то вместо словарного эквивалента «*rezil etmek*» (*опозорить*), были использованы «*namusu lekelenmiş*» и «*aşağılanmış*». Лексема «опозорить» имеет в составе сему «честь» как «обесчестить, очернить», что и отражено в первом переводе словосочетанием «*namusu lekelenmiş*» (*ее запятнанная честь*). Второй перевод менее удачен, т.к. использует лексема «*aşağılanmış*» (*униженная*).

Если под равнозначностью подразумевать полное совпадение области значения лексем и их прагматических характеристик, то деление эквивалентов на частичные и относительные не должно иметь смысла. Хотя, если понимать эквиваленты как единственно возможный и устоявшийся в ПЯ способ отображения лексемы оригинала, то тогда характеристика каких-то единиц ПЯ, использующихся для перевода лексем ИЯ, как частичных и относительных эквивалентов возможна.

Выбор лексемы перевода зависит также от традиции в системе ПЯ использовать ту или иную лексему для описания определенной ситуации. Так, например, рассмотрим перевод фраз «*послышались еще шаги (170) = başka ayak sesleri duyuldu (238), ayak sesleri duyuldu (226)*», «*первый шаг сделать (429) = hayatta ilk adımı atmak (295), ilk adımımı atmak (649)*», где перевод лексемы «шаги» в одном случае осуществляется через одноаффиксную изафетную конструкцию «*ayak sesleri*», а во втором случае – с помощью словарного соответствия «*adım*». Это объясняется тем, что лексема «*adım*» относится в большей степени непосредственно к самому акту движения, тогда как, если мы говорим о звуке идущего человека, имея ввиду «*послышались шаги*», в турецком языке это будет передаваться сочетанием

«*ayak sesleri*», с непосредственным компонентом *ses* \звук, т.к. услышать можно только звук, а шаг – сделать. На уровне описания ситуации примеры «*poslyshalis'ь еще shagi* (170) = *başka ayak sesleri duyuldu*» будут эквивалентными, т.е. эквивалентными будут лексемы «*shagi*» и «*ayak sesleri*». Основой смыслового отождествления разноязычных текстов служит здесь универсальный характер отношений между языком и экстралингвистической реальностью [17, 57].

Путаницу в объяснения Я. И. Рецкера вносит еще и то, что говоря о единичной лексеме оригинала, в качестве примера перевода он приводит словосочетание или целую фразу, в контексте которой и в соответствии с нормами узуса ПЯ смысл лексемы оригинала передается иным способом.

Таким образом, видно, что в речи практически нет эквивалентов лексемам оригинала. Стоит обратить внимание на то, что эквиваленты имеют, прежде всего, термины, имена собственные, географические названия и т.д., но это тоже относительно. Так, например, если термины и имена собственные употребляются для выражения определенной интенции автора, создания коммуникативного эффекта, т.е. приобретают дополнительные коннотации, в том числе и с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов, тогда транслитерированные лексемы ПЯ не будут передавать весь спектр описываемой ситуации, а недостающие семантические доли переводчик должен будет восполнить лексически, с учетом того, что грамматически создать подобный оригиналу эффект невозможно.

В трактовке Я. И. Рецкером вариантных соответствий и трансформаций возникает неопределенность. Вариантные соответствия определяются как наличие в «языке перевода нескольких слов для передачи одного и того же значения исходного слова» [18, 18]. Как правило, вариантные соответствия характерны для недифференцированных слов исходного языка с широкой семантикой, которые порождают определенные соответствия в ПЯ согласно контексту.

Некоторые вариантные соответствия были окказиональными, а потом перешли в узуальные, образовав устойчивые традиции употребления именно данного соответствия для перевода исходной единицы в определенной позиции. Использование вариантных соответствий всегда сопряжено с определенными семантическими трансформациями значения исходной единицы в силу ее большей или меньшей дифференциации по сравнению с лексической единицей ПЯ.

А. Д. Швейцер отмечает, что различия между эквивалентами и вариантными соответствиями Я. И. Рецкера можно рассматривать только с лексикографической точки зрения. Автор делает еще одно замечание относительно независимости эквивалентов от контекста, поскольку «частичные эквиваленты», свойственные многозначным словам и словам с широкой семантикой, зависят от контекста и актуализируются в определенном лингвистическом окружении [19, 77].

В. Н. Комиссаров определяет вариантные соответствия как «несколько регулярных способов перевода данной единицы ИЯ, выбор между которыми определяется условиями контекста» [20, 140]. Относительно выбора между вариантными соответствиями тоже существует определенная трудность, заключающаяся в отсутствии точных критериев этого выбора. Кроме того, «восприятие переводчика ... не способно оказаться одинаковым в силу самых различных личностных, культурных и социаль-

ных причин» [21, 19]. Выбор правильного вариантного значения слова оригинала в переводе зависит от лингвистических показателей сочетаемости лексемы с другими словами, от влияния контекста фразы или целого отрывка произведения, а также от частоты употребления данного слова в системе речи ПЯ. Исходя из данных психолингвистики, можно отметить, что ассоциации и правила узуса будут превалировать в первичном выборе варианта перевода лексемы оригинала, и лишь глубокий и детальный семантический анализ и сопоставление с экстралингвистическим контекстом побудит переводчика искать более подходящий эквивалент. Так, переводчик будет осуществлять поиск единственно верного для данной описываемой ситуации переводного эквивалента, стремясь достичь верного отражения действительности.

Выбор того или иного синонима как вариантного соответствия – при условии, что в данном контексте их значения совпадают – скорее всего, будет зависеть от соотносительности значения данной лексемы и смысла высказывания с действительностью в представлении реципиента, в данном случае – переводчика. Кроме того, знание затекста, т.е. действительной ситуации, может обусловить выбор варианта перевода [22, 90 – 98].

Как уже отмечалось, переводческие трансформации рассматриваются в ключе теории закономерных соответствий как пример несоответствия единицы исходного текста (ИТ) единице переводного текста (ПТ), или как целенаправленные приемы переводческой деятельности [23].

Если рассматривать трансформацию как процесс, то любой выбор лексических средств, для приведения текста оригинала и перевода к эквивалентному соотношению, будет описываться как трансформация. Если же подходить к трансформациям как к одному из приемов достижения эквивалентности, то ученые определяют последние как эквиваленты оригинала, которые порождает переводчик в случае отсутствия готового арсенала средств [24; 8]. При этом трансформации, наряду с готовыми и вариантными соответствиями, вводятся в единую систему достижения эквивалентности [25, 153 – 155].

Мы считаем, что трансформации необходимо рассматривать как способ достижения эквивалентности перевода, а не как сам процесс. К ним прибегают не только при отсутствии готового словарного соответствия, но также в случае, если существующий эквивалент приводит к изменениям мотивационного контекста, является стилистически неудобоваримым, либо не отображает прагматику оригинала и не отвечает нормам узуса ПЯ.

Словарь лингвистических терминов Д. Э. Розенталя определяет термин «трансформация» как «закономерное изменение основной языковой модели (ядерной структуры), приводящее к созданию вторичной языковой структуры» [26].

А. А. Яковлев, принимая позицию Л. С. Бархударова в характеристике трансформаций как целенаправленных действий переводчика, определяет переводческие трансформации как изменение структуры пресуппозиции, изменение отношений между пропозициями. Таким образом, переводческие трансформации рассматриваются как действия переводчика в определенной ситуации по достижению эквивалентности – «соотношения смыслов высказывания» [27, 159]. Поскольку поиск соответствий может свести процесс перевода к «последовательной подстановке вместо ... единиц

оригинала эквивалентных единиц ПЯ, т.е. соответствий», что ведет к буквализму в переводе [28]. Ведь задача переводчика – не подыскать соответствия каждому слову и словосочетанию исходной фразы, а перевыразить ее смысл [29, 33].

А. Д. Швейцер рассматривает переводческие трансформации как «межъязыковые операции «перевыражения» смысла», как замену одной формы выражения другой. В качестве причин применения трансформаций ученый указывает безэквивалентные формы и конструкции, расхождение в словообразовательных моделях и наборе языковых средств для выражения коммуникативного членения предложения, передачу экспрессии оригинала. Так, А. Д. Швейцер говорит о грамматических и синтаксических преобразованиях на формальном уровне выражения содержания оригинала при сохранении сем сообщения. В то же время ученый рассматривает вопрос разных способов «семантической интерпретации внеязыкового содержания» [30, 118 – 123].

В. В. Сдобников определяет переводческие трансформации через понятия приема и способа перевода как определенную переводческую операцию, решение на использование которой переводчик принимает при невозможности описания определенной ситуации или явления с помощью формальных соответствий в ПЯ [31, 259 – 263]. Таким образом, переводческие трансформации предполагают преобразования текста с точки зрения формального выражения содержания в соответствии с нормами и узусом ПЯ, обращение к реальной действительности и прагматическую адаптацию текста на ПЯ.

А. Г. Витренко определяет это как «интерференцию бытового значения словосочетания «перевод слова» из обихода преподавания практики иностранных языков: выделение активного словаря, его «перевод» и т.п.» и настаивает на том, что «подход к трактовке эквивалентов как постоянных равнозначных соответствий, не зависящих от контекста, фактически лежит вне пределов собственно перевода». Ученый относит эквиваленты и аналоги (вариантные соответствия), выделяемые Я. И. Рецкером к лексикографическим явлениям, отвечая тем самым на вопрос о разнице между соответствиями и трансформациями [32].

Судя из рассмотренных выше доводов критики ТЗС видят разницу между данными явлениями в закреплённости в двуязычных словарях и традиции употребления, что произвело окказиональные соответствия, полученные при использовании различных трансформационных приемов, в ранг узуальных с последующим отражением в системе двуязычных словарей.

Все эти отклики и разговоры сдержали Раскольникова, и слова «я убил», может быть, готовившиеся слететь у него с языка, замерли в нем. = Bütün be seslenişler ve konuşmalar, Raskolnikov'u durdurdu ve belki de dudakları arasından çıkmak üzere olan, "Ben öldürdüm", sözleri sönüp gitti. - Bütün bu sözler, konuşmalar Raskolnikov'u söylemeye hazırladığı sözleri söylemekten alkoyuyordu; "Ben öldürdüm!" sözleri donup kalmış gibiydi dudakları arasında.

Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет значение лексемы «сдержать» как «1. кого-что. Остановить, ослабить то, что движется, развивается с силой. 2. перен., кого-что. Не дать обнаружиться полностью, затаить. 3. что. Исполнить (обещанное)» [33]. Понятно, что лексема используется в переносном значении, однако присутствует явный параллелизм с первым прямым

значением слова «остановить», на этом основан выбор первым переводчиком лексемы «*durdurmak*», что означает понудительное наклонение от «*durmak*» «остановиться, стоять, находиться без движения». Второй переводчик выбирает лексему «*alıkoymak*», что значит «удерживать от чего-либо, от желания сделать что-либо», что по замыслу и интенции автора более правдоподобно отражает смысл лексической единицы оригинала, хотя и влечет за собой перестройку предложения, т.к. нужное значение лексема «*alıkoymak*» приобретает лишь в случае сочетания с зависимым по смыслу словом в форме исходного падежа. Полный анализ системы взаимных отношений данной лексико-семантической группировки позволяет увидеть, что лексема оригинала и лексемы перевода лишь частично отражают значения одна другой, имея гораздо более широкий спектр означаемых. Это может указывать на, практически, невозможность существования готовых эквивалентов для обиходно-бытовой лексики по сравнению с терминами и ономастической лексикой, при условии, что последние не несут иной коммуникативной нагрузки кроме наименования какого-либо объекта или предмета действительности.

А. А. Яковлев говорит о трансформациях как о «переходе» прагматической пресуппозиции в логическую и наоборот. «Изменения отношений между пресуппозициями практически неизбежны при переводе и направлены на адекватное выражение смыслов исходного текста средствами языка перевода в соответствии с контекстом» [34, 158]. В приведенном примере использование лексемы «*alıkoymak*», которая требует перед собой косвенного дополнения в исходном падеже, влечет вербализацию прагматической пресуппозиции «*söylemeye hazırladığı sözleri söylemekten*». Данную прагматическую пресуппозицию можно определить по средствам узкого контекста предложения, но более очевидной картина происходящего, оправданность выбора переводчика в пользу вербализации этой информации, становится при обращении к широкому контексту, состоящего из нескольких предыдущих абзацев. А именно, по фразе: «Он вдруг вспомнил слова Сони: "Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух: "Я убийца!"».

В то же время опущение вводного слова «может быть», выражающего возможность действия, меняют оттенок значения фразы, переводя ее из разряда вероятностных – в точную, утверждая, что главный герой без колебаний готов был произнести признание. Обращая внимание на подобные случаи А. А. Яковлев говорит, что семантические трансформации «не просто «добавляют» или «отнимают» одну из пресуппозиций или переставляют их, они качественно меняют логические соотношения между пропозициями... То есть, семантические трансформации граничат с ошибками, деформациями» [35, 159].

Обе женщины ждали, на этот раз вполне верую обещанию Разумихина; и действительно, он успел притащить Зосимова (186). – Anne kız verdiği söze iyice bel bağladıkları delikanlıyı bekliyorlardı... Delikanlı gerçekten de Zosimov'u getirmeyi başarmıştı (263). – İki kadın da bu kez Razumihin'in verdiği sözü yerine getireceğine inanarak bekliyorlardı. Gerçekten de Zosimov'u getirmeyi başarmıştı Razumihin (254) – в первом случае переводчик прибегнул к приёму конкретизации – одного из видов лексико-семантической трансформации. Словосочетание существительного с соби-

рательным числительным «обе женщины» передается в переводе через сочетание двух существительных «*anne kız*». При этом меняется как план выражения словосочетания, так и план содержания: единица оригинала – «обе женщины» – может означать каких угодно двух женщин и лишь обращение к широкому контексту позволяет провести параллель и установить отношения эквивалентности между двумя лексическими единицами. Второй пример демонстрирует интерлинейный перевод и использование готового эквивалента «*iki kadın*». В отношении передачи смысла и первый, и второй варианты перевода имеют все основания считаться верными, тогда как с формальной точки зрения второй перевод ближе к оригиналу и не требует обращения к широкому контексту для подтверждения сходства. Этот пример указывает на то, что в случае с трансформациями отношения эквивалентности устанавливаются единоразово, в условиях четко определенного контекста. Не стоит забывать о том, что контекст – лакмусовая бумажка для готовых и вариантных соответствий, который определяет их пригодность или непригодность для описания определенной ситуации с целью произвести определенный коммуникативный эффект.

Выводы. Рассматривая подходы к определению и пониманию трансформаций и соответствий в контексте общей теории перевода, мы выявили, что существует разница между трансформациями и соответствиями, под которыми мы понимаем эквиваленты и аналоги (вариантные соответствия), выделяемые Я. И. Рецкером: трансформации являются одним из приемов перевода и подтверждают целенаправленность действий переводчика, а соответствия относятся, скорее, к лексикографическим явлениям [36]. При этом некоторые вариантные соответствия образованы при помощи конкретизации недифференцированных лексем оригинала и отличаются от итогов применения трансформаций закрепленностью в двуязычных словарях и традицией употребления. Окказиональные соответствия, полученные при использовании различных трансформационных приемов, за счет частоты употребления могут перейти в ранг узусальных с последующим отражением в системе двуязычных словарей. В то же время нельзя умалять роль закономерных соответствий для теории и практики перевода.

Дальнейшее изучение проблем перевода с русского на турецкий язык определяет **перспективу** наших изысканий.

Литература

1. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. - М. : Международные отношения, 1974. – 214 с.
2. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студентов фи-лол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.С. Алексеева. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 352. – ISBN 5-7695-1542-2.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. - М. : Высшая школа, 1990. – 253 с. – ISBN 5-06-001057-0.
4. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – М. : ООО «Издательский дом «Филология Три», 2002. – 416 с. – ISBN 5-94545-014-6.
5. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
6. Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) / А. Д. Швейцер. – М. : «Наука», 1988. – 215 с. – ISBN 5-02-010882-0.

7. Левицкая Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1963. – 263 с.
8. Витренко А. Г. Надо ли учить переводческим трансформациям? / А. Г. Витренко // Вестник МГЛУ. – Вып. 488: Перевод и стилистические ресурсы языка. – М., 2004. – с. 90 – 106. – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://agvitrenko.3dn.ru/publ/1-1-0-6>.
9. Швейцер А. Д., там же.- С. 114.
10. Рецкер Я. И., там же.- С. 18.
11. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/>.
12. Комиссаров В. Н., там же.- С. 136.
13. Рецкер Я. И., там же.- С. 12.
14. Рецкер Я. И., там же.- С. 156.
15. Флорин С. Муки переводческие (практика перевода) / С. Флорин. – М. : Высшая школа, 1983. – 184 с. – [Электронный ресурс], режим доступа http://www.superlinguist.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1393:2011-08-06-11-25-22&catid=18:2009-11-23-13-42-17&Itemid=18.
16. Рецкер Я. И., там же.- С. 9.
17. Комиссаров В. Н., там же.- С. 57.
18. Рецкер Я. И., там же.- С. 18.
19. Швейцер А. Д., там же.- С. 77.
20. Комиссаров В. Н., там же.- С. 140.
21. Белянин В. П. Психолингвистика / В. П. Белянин. – М. Флинта, 2004. – 232 с. – ISBN 5-89349-371-0.
22. Белянин В. П., там же.- С. 90 – 98.
23. Яковлев А. А. Соотношение между трансформациями и видами пресуппозиций в переводе / А. А. Яковлев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 8 (223). Филология. Искусствоведение. Вып. 51. – с. 158 – 160. – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://www.lib.csu.ru/vch/223/035.pdf>.
24. Алексеева И. С., там же.- С. 8.
25. Левицкая Т. Р., там же.- С. 153 – 155.
26. Розенталь Д. Э. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь – [Электронный ресурс], режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php.
27. Яковлев А. А., там же.- С. 159.
28. Витренко А. Г., там же.
29. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. — М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с. – ISBN 5-7552-0041-6. – [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.linguists.narod.ru/downloads.html>.
30. Швейцер А. Д., там же.- С. 118 – 123.
31. Сдобников В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, О.В. Петрова. – М. : Восток-Запад, 2006. – 448 с. – ISBN 5-478-00306-9.
32. Витренко А. Г., там же.
33. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://ozhegov.info/slovar/>.
34. Яковлев А. А., там же.- С. 158.
35. Яковлев А. А., там же.- С. 159.
36. Витренко А. Г., там же.
37. Türk Dil Kurumu Büyük Türkçe Sözlük – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://tdkterim.gov.tr/bts/>.
38. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – Харьков : Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1983. – 480 с.
39. Dostoyevski F. M. Suç ve Ceza: 2 Cilt / F. M. Dostoyevski. – İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2002. – 738 s. – ISBN 975841478X.
40. Dostoyevski F. M. Suç ve Ceza / F. M. Dostoyevski. – İstanbul: Kumsaati Yayınları, 2010. – 687 s. – ISBN 978-975-458-902-3.

Гванцеладзе А. М. Трансформації і відповідності в перекладі (на матеріалі російських та турецьких паралельних текстів роману Ф.М. Достоевського «Злочин і покарання») / А. М. Гван-

**ТРАНСФОРМАЦИИ И СООТВЕТСТВИЯ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ
И ТУРЕЦКИХ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО...**

целадзе // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 334-343.

У статті надаються різні погляди перекладознавців щодо термінів «трансформації» та «відповідності», розглядаються особливості використання трансформації та відповідності на прикладі перекладу текстів з російської мови на турецьку мову.

Ключові слова: трансформації, відповідності тюркські мови, турецька мова, російська мова, перекладознавство.

Gvantseladze A. N. Transformations and correspondences in translation (on the material of the Russian and the Turkish parallel texts of F.M. Dostoyevsky's novel "Crime and Punishment") / A. N. Gvantseladze // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 334-343.

Different points of view of different scientists on the terms "transformations" and "correspondences", the peculiarities of usage of transformations and correspondences on the example of translation from the Russian language into the Turkish one are described in this article.

Key words: transformations, correspondences, translation, the Turkic languages, the Turkish language, the Russian language.

Поступила в редакцію 03.09.2012 з.